

ЦАРСКАЯ МОЛИТВА В СТРУКТУРЕ ДРАМЫ «БОРИС ГОДУНОВ»: ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА

© Шкаврова Валентина Геннадьевна (2024), ORCID: 0009-0001-4066-5053, SPIN-code: 5547-3111, магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), vshkavrova@yandex.ru

В статье рассматривается переложение древнерусского текста царской молитвы в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов». Поэтический текст из пушкинской трагедии сопоставляется с древнерусским источником и пересказом молитвы в сочинении Н.М. Карамзина «История государства Российского». Введение молитвы было мотивировано желанием показать стремление Бориса Годунова к укреплению и сакрализации собственной власти Бориса Годунова, которое акцентируется в произведении. Анализируется бинарная структура молитвы, создающая соотношение «царь земной – царь небесный», а также место молитвы о царе в контексте сцены «Москва. Дом Шуйского», внутреннее развитие которой предвосхищает развитие основного конфликта и финал драмы. Кроме того, рассматриваются внутритекстовые связи сцены с царской молитвой в доме Шуйского и эпизодов, в которых молитва понимается в соответствии с религиозным смыслом и назначением: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (пример идеальной молитвы о государе в монологе Пимена), «Царская дума» (рассказ о чуде после молитвы на могиле царевича), «Площадь перед собором в Москве» (диалог Бориса с юродивым Николкой), и значение этих сцен для создания образов Бориса Годунова и князя Василия Шуйского. Образ Василия Шуйского в названных сценах раскрывается в свете дальнейших исторических событий, не вошедших в трагедию на уровне непосредственного сценического действия, но включённых в содержание посредством положений, отсылающих к грядущим событиям, и контекстуальной связи с финальной ремаркой. Наконец, молитва о царе рассматривается в контексте современной Пушкину эпохи и параллели между Борисом Годуновым и императором Александром I. Анализ царской молитвы в структуре пьесы углубляет понимание религиозно-исторического содержания пушкинского произведения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, трагедия «Борис Годунов», пушкинский историзм, Пушкин и древнерусская литература, Пушкин и Карамзин.

Замысел драмы «Борис Годунов» и работа над ней, как известно, были связаны с чтением Пушкиным вышедших в 1824 г. 10 и 11 тт.

«Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. К книге Карамзина восходит и эпизод с царской молитвой (сцена «Москва. Дом Шуйского»); историограф пересказывает молитву, составленную по приказу Бориса Годунова «для чтения во всей России, во всех домах», в Примечаниях содержится текст молитвы со ссылкой на хронографы: «Молимъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божиему служъ, великому, благочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному... Государю Царю Борису Ѳеодоровичу, самодержащему скифетры на всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ... и его Царск. пресвѣтлаго Величества Царицѣ и ихъ благороднымъ чадомъ... и христілюбивому ихъ воинству... и о тишинѣ всему православному Христіанству... И на томъ убо и чашу сію Царскую воздвигнули, и повелѣли есте мнѣ» (гости хозяину) «грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай Богъ, Государь нашъ и В. К. Борисъ Ѳ., единый подсолнечный Христіанскій Царь... и его Царица... и ихъ Царскія Дѣти... на многія лѣта здравы были и счастливы, и недругомъ своимъ страшны, чтобъ всѣ великіе Государи приносили достойную почесть Его Величеству... и имя славилось отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конца вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его Царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе Государи Его Царск. Величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали... чтобы его прекрасно-цвѣтушія, младо-умножаемая вѣтви Царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. Царствія были навѣки и некончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣка милосердія издавались выше прежнего» [Карамзин 1988, 33].

Пушкин в переложении молитвы опирался на древнерусский текст из Примечаний, а не на карамзинский пересказ – на это указывают текстуальные совпадения: Пушкин воспроизводит наименование молящихся рабами царя и упоминание о прежних благодеяниях и милостях правителя («А к нам, своим рабам, да будет он, как прежде, благодатен, и милостив, и долготерпелив» [Пушкин 1978, 219] – «На насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣка милосердія издавались выше прежнего» [Карамзин 1989, 33, 7-ая паг.], у Карамзина: «... чтобы Россияне всегда славилы Бога за такого Монарха, коего ум есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпения» [Карамзин

1989, 58, 3-я паг.]), прошение о «победе на враги» и фразу про царскую чашу, отсутствующие у Карамзина.

Введение обязательной домашней молитвы Годуновым – способ утверждения своей богоизбранности, следовательно, законности в ситуации, когда был прерван царский род и право держателя престола на царствование уже не определяется привычным порядком наследования, отсюда настойчивое звучание оборотов вроде «великому, благочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному» [Карамзин 1989, 33, 7-ая паг.].

В пушкинском произведении политическое назначение молитвы акцентируется самим сюжетом (появление Самозванца, посягнувшего на трон Годунова) и драматургическими принципами организации сценического действия (ослабление внешнего конфликта и перенесение единства действия в духовную сферу), основным направлением развития действия (последствия убийства царевича Димитрия). Кроме того, в молитве из пушкинской драмы звучат прошения только о сохранении и умножении власти лично Годунова и его потомков, и в этом отношении поэтическое переложение Пушкина ближе к древнерусскому источнику, чем практически дословный пересказ Карамзина, распространяющего молитву лично за Годунова на всю Русскую землю: ср. например, «чтобы все земли трепетали от меча **нашего**, а **земля Русская** непрестанно высилась и расширялась» [Карамзин 1989, 58, 3-я паг.] у Карамзина и «къ **его** чести и къ повышенію, а преславнымъ **его Царствамъ** къ прибавленію <...> и отъ посѣченія меча **его** всѣ страны трепетали» [Карамзин 1989, 33, 7-ая паг.] у древнерусского автора. Единственное прошение не о Борисе и его царственной семье – «о тишинѣ всему православному Христіанству» [Карамзин 1989, 33, 7-ая паг.] – из пушкинского текста исключено, зато присутствует другое, пропущенное Карамзиным, – о военных победах («Поддай ему победу на враги» [Пушкин 1978, 219]), которое в разных формулировках повторяется в древнерусской молитве. Молитва из пушкинского произведения – о сохранении жизни и здоровья царя, его победах и славе, здравии и процветании его семьи, власти его рода над всем миром и продолжении царствования («А к нам, своим рабам, / Да будет он, **как прежде**, благодатен» [Пушкин 1978, 219]) – и ни одного слова о вверенных правителю народе и стране.

У Пушкина пример идеальной молитвы дан в словах летописца Пимена: «Да ведают потомки православных / Родной земли минувшую судьбу, / Своих царей великих поминают за их труды, за славу,

за добро – / А за грехи, за тёмные деянья / Спасителя смиренно умо-
ляют» [Пушкин 1978, 199] – и в рассказе о беседе иноков с Иваном
Грозным: «Прииду к вам, преступник окаянный, / И схиму здесь чест-
ную восприму, / К стопам твоим, святой отец, припадши». Так гово-
рил державный государь, / И сладко речь из уст его лилася – И плакал
он. А мы в слезах молились, / Да ниспошлёт господь любовь и мир /
Его душе страдающей и бурной» [Пушкин 1978, 202]. То есть в идеале
молитва о государе – как почившем, так и ныне царствующем – это
молитва о прощении его грехов, необходимая каждому человеку. Тем
более в такой молитве нуждается Годунов, повинный в тяжком грехе
царе- и детоубийства (Пушкин придерживался точки зрения, что ца-
ревич был убит по приказу Годунова). Но и этому основному назна-
чению царская молитва не соответствует: у Пушкина из неё исклю-
чено традиционное прошение о душевном спасении, с которого начи-
нается молитва из Хронографов, и наименование Бориса «Божием
слугой». Зато молящиеся должны засвидетельствовать своё рабское
подчинение царю, оппозиция «царь – раб» представлена в двух соот-
носящихся формах: «**Царю** небес, везде и присно сущий, **своих рабов**
молению внемли» и «Об избранном тобой, благочестивом, всех хри-
стиан **царе** самодержавном ... А к нам, **своим рабам**...» [Пушкин
1978, 219], подчёркиваемых ещё раз последними двумя строками:
«И, **царскую** на то воздвигнув чашу, мы молимся тебе, **царю** небес»
[Пушкин 1978, 219]. Парное словоупотребление создаёт соотношение
«царь земной» – «царь небесный», отражающее уподобление царской
власти власти бога и происхождение власти государя от божествен-
ного начала. Молитва задаёт иерархию «Бог – царь – рабы», в которой
раб божий непременно становится рабом царя, имеющего божествен-
ную санкцию, о служении же царя умалчивается. Принудительная мо-
литва теряет религиозный статус и назначение (богообщение) и ста-
новится способом демонстрации лояльности царю и сакрализации
власти.

Годунов, «убегая людей, хотел невидимо присутствовать в их
жилищах или в мыслях <...> святое действие души человеческой, её
таинственное сношение с Небом Борис дерзнул осквернить своим
тщеславием и лицемерием, заставив народ свидетельствовать пред
Оком Всевидящим о добродетелях убийцы, губителя и хищника!»
[Карамзин 1989, 57–58, 3-я паг.] – писал Карамзин о молитве для чте-
ния в домах. У Пушкина ей начинается сцена «Москва. Дом Шуй-
ского», в контексте которой молитва становится частью атмосферы

надзора, доносов и гонений. Не случайно Василий Шуйский прогоняет слуг: Карамзин уделяет значительное внимание системе доносов, восстановленной Годуновым, желающим «быть на страже неусыпной, все видеть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы» [Карамзин 1989, 58, 3-я паг.], «надёжнейшими изветниками считались тогда рабы» [Карамзин 1989, 60, 3-я паг.]. Молитва контрастирует с дальнейшей сценой: «Да здравствует великий государь!» [Пушкин 1978, 220] – завершает молитву Шуйский, и сразу после следует крамольный разговор с Афанасием Пушкиным. Только что помолившись о победах, здравии и славе Годунова, они обсуждают появление Самозванца, которое обещает быть «Такой грозе, что вряд царю Борису сдержат венец на умной голове. И поделом ему!» [Пушкин 1978, 222]. После перечисления благостей и милостей царя вспоминают преступления и жестокие дела: «Нас каждый день опала ожидает, / Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы, / А там – в глуши голодна смерть иль петля. / Знатнейшие меж нами роды – где? / Где Сицкие князья, где Шестуновы, / Романовы, отечества надежда? / Заточены, замучены в изгнанье. / Дай срок: тебе такая ж будет участь. / Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой, / Осаждены неверными рабами; / Всё языки, готовые продать, / Правительством подкупленные вору. <...> А легче ли народу? Спроси его» [Пушкин 1978, 222–223]. Стоит ли напоминать, что на следующее утро слуги князя Василия и Афанасия Пушкина пришли к царю с доносом.

Образ Шуйского также важен для развития в драматическом сюжете последствий убийства ребёнка – царственного наследника. Как уже было сказано, молитва становится частью политики вторжения в частную жизнь, атмосферы страха опалы и извета. Шуйский для читателя, знакомого с Карамзиным, в этой сцене предстаёт, с одной стороны, как жертва гонений: Борис запретил Василию Шуйскому жениться, боясь знатности его рода, потомки которого могли бы претендовать на престол, «несколько раз удалял Шуйских и снова приближал к себе; ласкал их и в то же время грозил немилостию всякому, кто имел обхождение с ними. Не было торжественных казней, но морили несчастных в темницах, пытали по доносам. Сонмы изветников, если не всегда награждаемых, то всегда свободных от наказания за ложь и клевету, стремились к Царским палатам из домов Боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирицы – на людей всякого звания», и здесь же далее: «и молчание народа, служа для Царя явною укоризною, возвестило

важную перемену в сердцах Россиян: они уже не любили Бориса!» [Карамзин 1989, 64–65, 3-я паг.]. Фраза про народное безмолвие, несколько раз использовавшаяся Карамзиным и вошедшая в пушкинскую драму в виде финальной ремарки, повторяется ещё дважды: в 11 томе в контексте отменённой в последний момент казни Шуйского Лжедмитрием (6 глава 11 тома) и в 12 томе, когда Карамзин говорит о правлении Василия Иоанновича Шуйского, отменившего систему доноительства и клеветничества: «Василий, как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства, не хотел ужасом произвести безмолвия, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким властителям» [Карамзин 1989, 7, 4-я паг.]. Ремарка «Народ безмолвствует» появляется в редакции драмы 1831 г. – после выхода 12 тома «Истории государства Российского» в 1829 г. Соответственно, через контекстуальную связь с ремаркой, оставляющей открытый финал со всем известным продолжением событий, образ Василия Шуйского содержит намёки на его будущее царствование, и в сцене «Москва. Дом Шуйского» он показан свидетелем гнусного тиранства, последствия которого уже тогда понимал и, видя, что народ готов развенчать Бориса, предлагал «помолчать до времени».

Сцена «Царская дума» также предвосхищает правление Василия Шуйского: когда Патриарх предлагает перенести мощи убиенного царевича в Кремль, именно Шуйский даёт отпор, разумеется, не чтобы выручить Бориса – очевидна связь этой сцены с началом правления Василия Шуйского, перенесшим тело Димитрия из Углича в Москву. Князь Василий, мгновенно поняв политическую направленность предложения («Не скажут ли, что мы святыню дерзко в делах мирских орудием творим?» [Пушкин 1978, 253]), впоследствии сам использует этот ход, чтобы убедить народ в самозванстве Отрепьева, но покамест Шуйский ждёт «грозы великой» и «потехи», и Самозванцу ещё надлежит сыграть свою роль, прежде чем тело царевича Димитрия станет инструментом для профанации власти соперника. Если все лица трагедии охарактеризованы в отношении последствий цареубийства [Киреевский 2003], то Шуйский изображён и свидетелем преступлений Бориса, начиная со смерти царевича в Угличе (однако в отличие летописца он о них не свидетельствует), и претендентом на престол и будущим царём, использующим совершившееся убийство Димитрия Годуновым в целях политической игры.

Борис Годунов, зная о своём преступлении, мучается укорами совести и, видимо, действительно испытывает потребность в молитве:

помимо обязательной домашней молитвы, он приказывает монахам молиться во время сражений с Самозванцем («В прежни годы, когда бедой отечеству грозило, отшельники на битву сами шли – но не хотим тревожить ныне их; пусть молятся за нас они – таков указ царя и приговор боярский» [Пушкин 1978, 251]) и просит юродивого Николку молиться за себя. В сцене «Царская дума» через речь патриарха с царём говорит убиенный царевич Димитрий: «Помолись ты над моей могилкой, Бог милостив – и я тебя прощу» [Пушкин 1978, 252] – это слова, в рассказе священника услышанные стариком во сне и вместе с тем обращённые к Годунову, но Борис не готов к молитве-покаянию, он лишь приказывает всем молиться о себе, и то, что названо в домашней молитве «победа на враги», в приказе монахам получает конкретное воплощение – это молитва о победе над Самозванцем, которая для Годунова означает сохранение власти. Слова Николки: «Нельзя молиться за царя Ирода» относятся не только к реплике Годунова, но и, конечно, к царской молитве. Поэтому молитва Бориса Годунова имеет «обратный эффект» и оборачивается «настоящей бедой Московского государства» (по первоначальному заглавию драмы), развитие событий прямо противоположно надеждам царя: Самозванец одерживает верх, Борис умирает, его наследник убит. «Обратный эффект» молитвы предвещается сценой в доме Шуйского, которая, начавшись молитвой за царя, заканчивается монологом Афанасия Пушкина, отрицающим содержание молитвы. При этом в содержание драмы входит не только смерть Годунова и его детей, но дальнейшие исторические события, не затронутые непосредственным действием, – повторение сюжета «увенчания – низвержения» ещё несколько раз: после Годунова к власти приходит Отрепьев-Лжедмитрий, а «лукавый царедворец» Василий Шуйский становится следующим в череде самозванцев.

Помимо текста домашней молитвы, Карамзин приводит литургическую молитву за Бориса Годунова: «міромъ Господу помолимся... о благовѣрномъ Царѣ и В. Князѣ Борисѣ и о всѣхъ Болярѣхъ и о воехъ его, о пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата» [Карамзин 1989, 6, 7-я паг.]. Нам она интересна тем, что формула: «Пособити и покорити под нозе его всякого врага и супостата» дословно присутствовала в молитвословии об Александре I в составе литургии Иоанна Златоуста, которую Пушкин, конечно, неоднократно слышал, и повторялась дважды за литургию: в великой и сугубой ектенье [Служебник 1896]. С.Б. Калашников рассматривает

встречу Бориса Годунова с Николкой как реализацию оппозиции «истинный поэт – самозванный государь» (важным признаком последнего «становится его восшествие на престол путем "цареубийства" предшественника» [Калашников 2012, 127]). Если в образе юродивого скрывается сам автор («никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого» [Пушкин 1979, 146]), то Годунов, по мнению С.Б. Калашникова, отождествляется с Александром I – гонителем и самозванцем, санкционировавшим убийство собственного отца. Современный контекст придаёт молитве о победах царя-самозванца статус вечного сюжета, повторяющегося в русской истории.

Таким образом, царская молитва придаёт сцене «Москва. Дом Шуйского» внутреннюю динамику, предвещающую развитие основного конфликта: назревающее противостояние Годунова и Самозванца и его итог. Кроме того, внутритекстовые связи с другими сценами («Царская дума», сцена разговора с Николкой) придают идейное единство внешне разорванному действию, последовательность развития которого обеспечивается принципом явления промыслительного начала в истории. Включение в содержание драмы исторических событий, не охваченных непосредственным действием, придаёт произведению с условно открытым финалом (поскольку всякая вариативность относительно дальнейшего развития событий исключена) содержательную полноту, художественную исчерпанность и не условную морфологическую и сюжетную завершенность. Молитва о победе царя как инвариант русской церковной традиции в драме «Борис Годунов» становится признаком самозванства, что добавляет дополнительную смысловую нагрузку образу царя Бориса и трагедии в целом: самозванный правитель посредством молитвы, утратившей непосредственное религиозное назначение, пытается утвердить и сакрализировать свою власть и навязать истории (и, возможно, её Автору) свою личную волю, что приводит к непредсказуемому развитию событий и исторической катастрофе; сюжет соотносится с пушкинской современностью и тем самым помещается Пушкиным в широкий исторический контекст, выходящий за рамки событий Смутного времени.

Источники

Карамзин 1989 – Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Кн. 3: Т. 9–12. М., 1989. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов).

Пушкин 1978 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения.* Л., 1978.

Пушкин 1979 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: Письма [1815–1837].* Л., 1979.

Служебник 1896 – *Служебник.* М., 1896. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/sluzhebnik-na-tserkovnoslavjanskom-jazyke/#source (дата обращения 13.05.2024).

Литература

Калашников 2012 – Калашников С.Б. *Метасюжет «поэт vs государь» в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина* // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 126–129.

Киреевский 2003 – Киреевский И. В. *Обозрение русской литературы за 1831 год* // Пушкин в прижизненной критике. 1830–1833. СПб., 2003. С. 141–145.

THE TSAR'S PRAYER IN THE STRUCTURE OF THE DRAMA "BORIS GODUNOV": ANCIENT RUSSIAN TEXT IN THE ARTISTIC CONSCIOUSNESS OF ALEXANDER PUSHKIN

© **Shkavrova Valentina Gennad'yevna** (2024), ORCID: 0009-0001-4066-5053, SPIN-code: 5547-3111, undergraduate, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University (23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation), vshkavrova@yandex.ru

This article considers a translation of an ancient Russian text of the tsar's prayer in Alexander Pushkin's drama "Boris Godunov". Poetic text from Pushkin's tragedy is compared with an ancient Russian source and a retelling of a prayer in Nikolai Karamzin's work "The History of the Russian State". Godunov introduced the prayer with a political purpose of strengthening and sacralizing his power, a fact that is emphasized by the playwright. Analysis of a prayer's binary structure reveals a relation "the king of the earth – the King of Heaven". Likewise, we consider the place of a prayer for the tsar in the context of the scene "Moscow. The House of Shuisky", the internal development of which anticipates the development of the main conflict and the finale of the drama. Intertextual connections of the scene with the tsar's prayer in the Shuisky house and other episodes with prayers (prayer for the sovereign in Pimen's monologue in scene "Night. The cell in the Chudov Monastery", a story about a miracle after a prayer at the grave of the tsarevich in "The Tsar's Duma" and Boris' dialogue with fool Nikolka in the scene "The Square in front of the Cathedral in Moscow") is understood in accordance with the religious meaning and purpose, and significance of these scenes for the images of Boris Godunov and Prince Vasily Shuisky is identified. Image of Vasily Shuisky in

these scenes is revealed in the light of further historical incidents that were not included in the direct stage action, but included in the content of the tragedy through provisions referring to further events and contextual connection with a final remark. Finally, the prayer for the tsar is examined in the context of the culture of 19th century and the parallels between Boris Godunov and Russian Emperor Alexander I. This analysis of the tsar's prayer in the structure of the play deepens the understanding of the religious and historical content of Pushkin's work.

Keywords: A.S. Pushkin, the tragedy "Boris Godunov", Pushkin's historicism, Pushkin and ancient Russian literature, Pushkin and Karamzin.

Поступила в редакцию 2.03.2024